

DOI 10.15393/j9.art.2018.5642

УДК 821.161.1.09

Наталья Викторовна Пращерук*(Екатеринбург, Российская Федерация)*

pnv1108@gmail.com

Христианский метароман

Е. Р. Домбровской «Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона»

Аннотация. В статье исследуется жанровое содержание произведения Е. Р. Домбровской, которое автор именует метароманом. Главный сюжет, который связан одновременно с историей становления героя, его аскетическим опытом и постижением феномена Чехова, разворачивается в жанре романа воспитания и духовных странствий героя. «Переводя» читателя из духовных глубин в сферу творчества, философии и критики, автор четко придерживается критериев и мотивировок, выработанных практикой духовного делания героя. Такая методология помогает открыть в Чехове подлинно христианского писателя. Авторская мысль об органичности, духовной целостности процесса освоения творческого наследия классика, о постепенном «возрастании» уровня его понимания акцентируется лейтмотивным образом евангельского зерна. Постигание Чехова осуществляется в сопряжении литературных и личных / семейных реалий. Семейный роман, объемный по содержанию, связан с проблемной (противостояние семьи как малой Церкви и мира), а также интонационной (умиление) составляющими книги. Включая многие жанровые разновидности и моделируя сквозную ситуацию духовно-творческого процесса, книга Домбровской внутренне целостна, что достигается позицией автора, четко выверенной евангельской и святоотеческой традицией, его видением — у «подножия последнего рубежа — Евангелия с его Духом и заповедями». Это редкий в нынешней литературе пример христианского метаромана.

Ключевые слова: Е. Р. Домбровская, Чехов, литературная духовная проза, метароман, святоотеческая традиция, сюжет, образ, жанр

Статья продолжает серию работ [Пращерук, 2016а, 2016б, 2017, 2018] о прозе современного автора Е. Р. Домбровской¹. Новый роман «Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона»² — беспрецедентное по новизне и глубине прочтение Чехова, художника и человека, проживание драгоценного опыта писателя, явленного нам в его произведениях. Автор демонстрирует возможности интерпретации русской литературы с опорой на евангельскую и святоотеческую

традиции. Собственно, такой подход и становится определяющим. Понятийная точность и методологическая последовательность соединяются в произведении с тончайшей образностью, воплощенной настоящим русским языком — щедрым, живым, эстетически выразительным.

Кроме того, книга оригинальна по своей жанровой природе: это и роман воспитания, и одновременно «духовные странствия» — развертывание перед читателем аскетического опыта главного героя, — и роман о современной церковной жизни, и филологическое исследование. Автор, учитывая это, предлагает именовать свое произведение *метароманом*³: «Это, конечно, роман: “роман-воспитание”, “роман-странствие” и даже “роман-исследование”, но поскольку он жанрово многослоен, то скорее в современной трактовке и понятийной лексике это м е т а р о м а н» [Пращерук, 2018: 104]. В личной переписке с автором статьи (не опубликовано) писатель конкретизирует свое понимание метаромана через сопоставление его с эссе, предполагающим сочетание различных типов дискурса, соединение образа и рефлексии по поводу образа, «художественного переживания и научного изучения»: «Насколько свойства эссе органично соединяются в метаромане — настолько органично и правомерно роман перерастает самое себя, становясь метароманом» (30.08.2018, личный архив). Любопытны в этом ключе размышления писателя о герое и сюжетной структуре романа, напрямую связанных с жанровым содержанием произведения. Герой «сызмала был поставлен старцем на настоящее духовное делание — глубочайшее и навыком выпестованное погружение во внутреннюю жизнь собственного духа» (там же). Потому главный сюжет разворачивается в жанре духовных странствий, в сопряжении с которым осуществляются в романе и все другие жанровые стратегии. Более того, «переводя» читателя из глубин духовных в сферу творчества, в контекст литературно-критических и философских размышлений или же в обстановку повседневного существования героев и современного церковного быта, автор четко придерживается критериев и мотивировок, выработанных аскетической практикой духовного делания. Чтобы прояснить вопрос, насколько жанровая саморефлексия и творческая практика автора соотносятся с современным

пониманием природы метаромана, обратимся к его теории в основных ее параметрах и дефинициях.

Концепция жанра, по всей видимости, впервые была обоснована в статье Дэвида Ловенкрона (D. H. Lowenkron) «Метароман» (“The Metanovel”) [Lowenkron]. Исследователь рассматривает метароман как сверхжанр, в котором, в свою очередь, реализуются несколько типов: роман о романе (“a novel about a novel”), роман в романе (“novels within novels”), самокритика в романе (“a type of novel with a built-in critique”) [Lowenkron].

Оригинальную жанровую концепцию «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского как *романа романов* и *христианского метаромана* обосновал в своих трудах В. Н. Захаров [Захаров, 1997a, 1997b, 2013], убедительно опровергнув точку зрения В. Б. Зусевой-Озкан (еще до написания ее работ!), которая полагала, что во второй половине XIX в. жанр метаромана русской литературой фактически не представлен [Озкан]: «Роман романов Достоевского был синтезом самых разнообразных художественных и нехудожественных жанров. Вместе с тем в русской литературе родился новый, небывалый тип романа — христианский метароман, в котором христианское миропонимание автора представлено как страстная драма людей и идей» [Захаров, 1997a: 226].

В. Б. Зусева-Озкан в целой серии своих работ выстраивает концепцию метаромана и его разновидностей [Зусева-Озкан, 2007, 2012, 2014], [Озкан]. В качестве основополагающего ядра для выделения жанра она предлагает подчеркнутую проблематизацию отношений литературы / искусства и действительности. Размышляя в русле, в целом заданном Д. Ловенкроном (и не ссылаясь по неизвестным причинам на его работу), исследовательница подробно останавливается на проблемах генезиса, поэтики и типологии метаромана. Так, она разграничивает метароман, роман с авторскими вкраплениями и кюнстлер-роман, два последних трактуя как подступы к первому. Однако предложенная ею типология собственно метаромана, в основе которой — специфика «поведения» автора в произведении, — представляется излишне детализированной, размывающей четкость структурной очерченности жанра [Озкан].

Следует отметить также, что в современном литературоведческом и критическом тезаурусах жанровая номинация *метароман* может обозначать некое *романное единство*, включающее три и более романов одного автора [Ерофеев: 14], [Карлова]. К отечественным метароманам XX в., особенно ярко выявляющим природу жанра, традиционно относят «Дар» В. Набокова и «Пушкинский дом» А. Битова [Озкан: 26], [Савицкий].

Жанровые поиски Е. Домбровской, а также ее саморефлексия разворачиваются, по существу, в той же логике.

Книга открывается образом уплывающей в сиреневых сумерках Москвы. Это как знак уходящей природы — того родного каждому русскому человеку, что истончается, исчезает, но обязательно должно быть сохранено. Хранителем и одновременно толкователем смыслов и духовных констант русской культуры выступает главный герой романа Тимофей Золотов,

«молодой человек из <...> подмосковной провинциальной среды, выпускник пединститута, возвращается из армии и оказывается на перепутье. Он может полностью посвятить себя служению Церкви (он с детства благодаря матери, верующий, имеющий в церкви своего старца), поступить в семинарию и готовиться постепенно к тому, чтобы принять рукоположение во священника <...> Или же продолжить свои научно-филологические занятия русской литературой, Чеховым, <...> о котором еще в пединституте начал писать нечто вроде исследования, убедившись в том, что Чехов, так и “не прочитан”, недопонял, а то и оболган. <...> старец <...> дает Тимофею благословение на подготовку к принятию (в перспективе) священства, но при этом велит не оставлять и Чехова...» [Пращерук, 2018: 104]⁴.

Тимофей в переводе с греческого означает «почитающий Бога»⁵. Уже само по себе имя семантически оправдано. Однако здесь еще важны смыслы, связанные с именем апостола Тимофея, епископа Ефесского (I в.), обращенного в христианство апостолом Павлом, ставшего его ревностным учеником, а впоследствии неотлучным спутником и сотрудником в проповеди Евангелия и скончавшегося мученической смертью в 80 году⁶. Так изначально обозначена ведущая тема характера и судьбы

героя — ревностное служение Истине, в том числе своим словом, обращенным к окружающим людям. Показательна и апостольская связка, «Павлов след». Ведь автор неуклонно придерживается, как и в других своих сочинениях, критерия, разделяющего *душевное* и *духовное*, *душевного* и *духовного* человека. И в этом плане авторитетное слово принадлежит именно апостолу Павлу, по учению которого «духовный человек четко отличается от человека душевного»⁷ [Иерофей (Влахос): 9]. В последней главе, где рассказывается о священнической хиротонии Тимофея, приводятся слова апостола Павла, обращенные к его ученику и святому, в честь которого герой назван:

«Тимофей читал знакомые строки, но они звучали для него словно впервые. Это был живой голос Писания, обращенный лично к нему...».

Сам же день рукоположения Тимофея во священники совпадает с днем празднования Собора Новомучеников и исповедников Церкви Русской. Свет имени, питающий сердце героя, поддерживается фамилией, связанной с семантикой золота. Здесь это мета подлинности и чистоты сердца (вспоминается некрасовское «Золото, золото, сердце народное»). В том, как Тимофей проживает события собственной жизни, как оценивает окружающих людей, современный церковный быт, как понимает и осуществляет собственно филологические штудии, которые носят в том числе и характер духовных испытаний и обретений, воплощается любимая и справедливая мысль автора о том, что только в состоянии «сокрушенного сердца» человек способен на подлинное понимание и подлинные открытия:

«— Здесь, в этом пункте — все самое главное! — сказал себе Тимофей. — Центр жизни, центр спасения — сокрушенное сердце человеческое. Здесь все ключи к верным пониманиям, слышаниям и толкованиям чеховских образов — и не только чеховских, но и вообще русской классики <...>. А потому, если критик, может быть, сам и никакой не подвижник, но человек, имеющий в своей сокровенности это драгоценное во Христе сокрушенное сердце, он непременно услышит духовно родственное и в другом, — в текстах...».

В состоянии «сокрушенного сердца» герой собирает по крупицам открывающиеся ему как дар зерна смыслов:

«...теперь надо было не выронить неожиданно упавший к нему в руки драгоценный дар, драгоценное слово, не заболтать его, не залить и не замазать его своими собственными сиропами измышлений...».

Обильно политые сострадательными слезами и упитанные почвой любви эти зерна прорастают, набирают силу, и — одновременно с этим растет и наше понимание чеховского творчества. Новозаветный образ зерна, которое «может принести много плода», становится лейтмотивным, присутствует в книге как прямо, так и имплицитно.

В третьей главе речь идет о «растущих контекстах», знание которых дает возможность погружения в глубины чеховского мира. А в конце книги говорится о том, что и самому слову Чехова «предназначалось расти, дожидаясь своего времени, настаиваться в ожидании тех сердец, в которые оно сможет укануть и загореться в них звездой». Следовательно, постижение чеховского феномена — процесс не головной, не умозрительный, а органический, сердечный, духовно целостный.

«Растущие контексты» — это факты биографии художника (а она пережита автором во всех ее подробностях), письма и другие документальные свидетельства, это евангельское слово и фрагменты святоотеческих текстов, это мир русской классики, это реалии современной жизни и современной церковной жизни, воссозданные глазами воцерковленного человека, это, наконец, работы о Чехове — критиков, литераторов, филологов-исследователей, с которыми писатель чаще всего полемизирует [Бердников], [Рейфилд], [Скафтымов], [Субботина]. Особенного напряжения полемика достигает с авторами, критикующими Чехова с так называемых православных позиций, плоско законнических, упрощающих, искажающих смыслы созданного писателем [Николаева]. Так разворачивается в книге грандиозный диалог / полилог, который сообщает ей масштабность и убедительность, а предложенным толкованиям произведений Чехова — весомость, основательность подлинного понимания. Роман изобилует открытиями.

По-новому прочитаны «Человек в футляре», «Дама с собачкой», «Скучная история», «Моя жизнь», «Попрыгунья», «Студент», «Черный монах», пьесы и др. В этом ряду — интерпретация «Архиерея». Е. Домбровская не просто убедительно опровергает утвердившееся представление о том, что прототипом чеховского героя стал епископ Михаил (Грибановский)⁸, но и вводит в научный оборот новые факты, свидетельствующие о прямо противоположном. Показано, что образ чеховского архиерея формировался под сложным влиянием судеб и личностей владыки Николая (Зиорова), архиепископа Сергия (Петрова), епископа Никона (Софийского), епископа Михаила (Грибановского). И ближе всего епископу Петру, для которого высочайший пастырский сан и монашеское призвание оказались не по его человеческим силам, был отнюдь не епископ Михаил (Грибановский), а скорее владыка Никон (Софийский). Кроме того, мы узнаем из процитированной здесь книги отца Константина Ровинского, что протоиерей Сергей Щукин (1872–1931), оставивший воспоминания о писателе, был его Духовником [Ровинский: 47]⁹. Само по себе прикосновение к судьбам этих и других людей священного сана, которых автор называет «духовными орлами» — захватывающий сюжет, достойный специального рассмотрения.

В заключительной главе повествование о хиротонии сцепляется с интерпретацией одного из самых непрочитанных и непонятых чеховских произведений — рассказа «Убийство». Полемизируя с критиками, увидевшими в рассказе только или преимущественно отражение сахалинского опыта художника, Тимофей (и автор) анализирует произведение во всей глубине его духовной проблематики. История конфликта двух братьев, обернувшаяся братоубийством, осмысливается Чеховым как следствие катастрофических духовных «уклонений» русских людей в соблазны прелести, которые связаны с оскудением веры и отказом от соборной церковной жизни. Эти явления трактовались художником в аспекте общенародной судьбы. Исцеление и возвращение к подлинному богообщению возможно только через искупительное страдание и стяжание смиренного сердца.

Пройдя непростой путь постижения чеховской правды, главный герой в полной мере осознает свое призвание. Завершается роман тем, что к только что рукоположенному во священника Тимофею впервые в его жизни подходит на исповедь нуждающаяся в его помощи прихожанка.

Важнейшей составляющей романа, которая обретает концептуальную завершенность, становится семейная линия. В отличие от большинства современных авторов, Е. Домбровская показывает семью главного героя как малую Церковь. Домашние не враги героя¹⁰, а сотаинники в духовных странствиях.

В изображении семейного круга (старец — духовный отец, мать, брат и сестра) можно выделить несколько содержательных аспектов. Во-первых, ярко обозначается сквозная тема произведения в целом — противостояния мира семьи, который представлен людьми, соединенными не только и не столько кровным, сколько духовным родством, и мира внешнего, лежащего во зле:

«Потерять сестру, отдать ее на растерзание и увлечение этому миру — даже мысль такая была для Тимофея как нож вострый...».

Это противостояние прочитывается и в эпизодах, связанных с описанием современной церковной среды, церковной и околоцерковной жизни. Многие новшества, с которыми сталкиваются главные герои, ранят их сердце как отступления от традиций Православия. Об этом прямо говорится в самом начале романа, а образ уплывающей в сумерках Москвы не случайно насыщается символикой Ноева ковчега.

Однако тут есть опасность — вкусить «закваски фарисейской», и автор на протяжении всей книги показывает, как, страдая от «вопиющих неправд, циничной лжи, притворства», герои терпеливо выстраивают отношения с миром и людьми, борясь с собственными слабостями, расчищая кусочки собственного сердца.

Духовный отец — старец Севастиан — наставляет героя:

«...очищаемся, видя свою греховность и принося в ней слезное покаяние, и в очищенные клеточки сердца нашего приходит Свет Нетварный. Он нам и помогает трудиться дальше над

душой и все сильнее высвечивает недолжное: и в себе, и в мире. И тебе в свое время эта способность очень пригодится, когда придет время помогать другим душам».

Преодолевая, в том числе, и семейные размолвки и непонимание, герои возрастают духовно, проходя школу, о которой писал Ф. М. Достоевский: «Бог дал родных, чтоб учиться на них любви...»¹¹. И это второй, не менее важный, аспект семейного сюжета.

Раскрывая тему семейных отношений, Е. Домбровская обогащает произведение интонацией, связанной с переживанием особого духовного состояния — *умиления*. «Умиление выражает нечто сокровенное в вере и душе русского народа», — справедливо отмечает в своей статье В. Н. Захаров [Захаров, 2009: 163]. Трактую религиозный смысл этой категории, он опирается на значение слова, полно представленное в словаре В. И. Даля: «Умилять, *умилить* кого, трогать нравственно, возбуждать нежные чувства, любовь, жалость. *Простосердечное радушие умиляет. Божьи дела умиляют человека <...>*. Умиление ср. действие умиляющего; состояние умиленного; чувство покойной, сладостной жалости, смиренья, сокрушенья, душевного, радушного участия, доброжелательства...»¹². Читателю не раз даруется возможность испытать вместе с героями то, о чем писал пророк: «И дам вам сердце новое, и дух новый дам вам; и возьму из плоти вашей сердце каменное, и дам вам сердце плотяное» (Иез. 36:26, 27):

«Тимофей долго утешал ее <...> глядя <...> по голове, все повторял: “Все еще будет, милая, все еще будет...” А, потом, когда Маргоша ушла, Тимофей вдруг вспомнил <...> почему так сладостно-горько было ему повторять их сестре, отчего в глазах его стояли слезы, а сердце исполнялось чем-то таким, что бывает в скорбную минуту на молитве, когда до исстрадавшейся и смилившейся души коснется благодать Божия...».

В-третьих, акцентируя линию отношений брата и сестры, автор выводит нас к теме *чистоты* в глубинно-онтологическом, евангельском смысле.

Наконец, в-четвертых, постижение чеховского космоса разворачивается в едином пространстве проживания личных / семейных и литературных реалий. Так, путь к Чехову начинается с осмысления «Иванова» и «Моей жизни», которое

дается в сопряжении с коллизиями повседневного существования героев. По признанию Е. Домбровской (из личной переписки, не опубликовано), образы брата и сестры — Тимофея и Маргоши — выросли из переживаемой реальности «Моей жизни», в непосредственном соотношении с чеховскими героями (12.08.2018, личный архив):

«— Ну, рассказывай, — тихо и мягко сказал он Маргоше, чуть-чуть сжав рукой ее плечо, и вдруг внезапно, молнией, вклинилось в его сердце ощущение, что он — это вовсе не он, а чеховский Мисаил из “Моей жизни”, и что Маргоша — это не Маргоша, а бедная, добрая и несчастная сестра Мисаила Клеопатра...».

Таким вживанием «как необходимым моментом в процессе понимания» [Бахтин: 334] обеспечивается выстраданность и подлинность открывающихся в чеховских произведениях смыслов. Но при этом постигаемый автор не теряет суверенности субъекта со своим миром и своим голосом, не подвергается интерпретатором «под себя». Принцип «внеаходимости» [Бахтин: 334] соблюдается последовательно и неукоснительно.

Опираясь на традиции и таинства Православия, писатель выстраивает в романе пространство «вне времен», в котором «неслиянно и нераздельно» пребывают в со-бытии многие и многие герои, включая Чехова и его персонажей. Вовлекая в это со-бытие / проживание читателя, Е. Домбровская, по существу, реализует соборный принцип постижения чеховского мира, что оказалось возможным благодаря метароманной природе произведения. Включая многие жанровые разновидности (роман воспитания, семейный роман, роман-странствие, идеологический роман, роман о романе и др.), объединяя разнородный стилевой и повествовательный материал, а также моделируя сквозную ситуацию духовно-творческого процесса — написания исследования о Чехове — книга Домбровской внутренне целостна. Это достигается тем, что узлы распутываются, «концы и начала» обретаются только, по образному выражению самого автора, у «подножия последнего рубежа — Евангелия с его Духом и заповедями». Перед нами редкий в нынешней литературе пример христианского метаромана.

Примечания

- ¹ Домбровская Е. Воздыхания окованных. Русская сага. СПб.: Издательский дом «ПервоГрад», 2017. 752 с.; Домбровская Е. Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны. М.: У Никитских ворот, 2016. 512 с.
- ² Домбровская Е. Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона [Электронный ресурс] // Портал «Проза.ру». URL: <http://www.proza.ru/avtor/skityanka&book=41#41> (10.11.2017). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи по этому источнику.
- ³ Домбровская Е. Авторская аннотация к книге «Путь открылся... Чехов. Духовные странствия Тимофея диакона» [Электронный ресурс] // Портал «Проза.ру». URL: www.proza.ru/2017/12/23/1079 (10.11.2017).
- ⁴ Авторская аннотация к роману перепечатана в приложении к нашему пособию «Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика» (Екатеринбург, 2018). См. то же: Домбровская Е. Авторская аннотация...
- ⁵ Именослов / сост. А. А. Ухтомский. Киев: Изд-во Киево-Печерской Лавры, 2015. С. 172.
- ⁶ Там же. С. 172–173.
- ⁷ «По учению Апостола Павла, духовный человек четко отличается от человека душевного. Духовным является тот человек, который имеет в себе действие Святого Духа, тогда как душевным человеком является тот, у кого есть душа и тело, но кто не стяжал Святого Духа, дающего жизнь душе (1 Кор. 2:14–15)» [Иерофей (Влахос): 9].
- ⁸ См. примечания к изданию: Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М.: Худож. лит., 1956. Т. 8. С. 546–548.
- ⁹ «Одна из моих духовных дочерей, прекрасно образованная и давно ставшая на духовный путь, передавала мне, что она познакомилась в Москве с одним выдающимся пастырем — о. Сергием Шукиным, бывшим ранее настоятелем собора в г. Ялте. Отец Сергей был духовным отцом писателя А. П. Чехова, который бывал у него, живя в Ялте, и очень его почитал, и некоторых других известных лиц. По ее отзывам, о. Сергей был отмечен перстом Господним, и было ясно, что на нем почила благодать Божия» [Ровинский: 47].
- ¹⁰ Ср.: «И враги человеку — домашние его...» (Мф. 10:32–36).
- ¹¹ Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 15. С. 205.
- ¹² Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1982. Т. IV. С. 493.

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М.: Искусство, 1979. — 424 с.
2. Бердников Г. Избранные работы: в 2 т. — М.: Худож. лит., 1986.
3. Ерофеев В. Русский метароман В. Набокова, или в поисках потерянногорая // Вопросы литературы. — 1988. — № 10. — С. 125–160.
4. Захаров В. Н. «Братья Карамазовы»: метафизика текста // “Die Brüder Karamasow”: Dostojeewskij's letzter roman in heutiger sicht: IX symposiums der Internationalen Dostojewskij-Gesellschaft. — Dresden: Dresden univ. press, 1997. — S. 213–227. (a)
5. Захаров В. Н. Роман // Достоевский: эстетика и поэтика: словарь-справочник / отв. ред. Г. К. Щенников. — Челябинск: Металл, 1997. — С. 211–213. (b)
6. Захаров В. Н. Умиление как категория поэтики Ф. М. Достоевского // Теория традиции: христианство и русская словесность: коллект. моногр. — Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2009. — С. 163–185.
7. Захаров В. Н. Имя автора — Достоевский. — М.: Индрик, 2013. — 456 с.
8. Зусева-Озкан В. Б. Инвариантная структура и типология метаромана // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2007. — № 7. — С. 35–44.
9. Зусева-Озкан В. Б. «Дон Кихот» как первый образец жанра метаромана // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. — 2012. — Т. 71. — № 5. — С. 3–22.
10. Зусева-Озкан В. Б. Историческая поэтика метаромана. — М.: Intrada, 2014. — 488 с.
11. Иерофей (Влахос), митрополит. Православная духовность / пер. с новогреческого. — М.: Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. — 136 с.
12. Карлова О. Метароман длиной в четыре поколения // День и ночь. — 2014. — № 6 [Электронный ресурс]. — URL: <http://magazines.russ.ru/din/2014/6/5k.html> (15.07.2018).
13. Николаева О. Мучитель наш Чехов // Николаева О. Прямая речь. Откровенно о главном. — М.: Данилов мужской монастырь, 2015. — С. 116–134.
14. Озкан В. Б. Метароман как проблема исторической поэтики: дис. ... д-ра филол. наук / Рос. гос. гуманитар. ун-т. — М., 2013. — 570 с.
15. Пращерук Н. В. В «школе сокрушения»: о современной духовной прозе // Христианство и русская литература. — СПб.: Наука, 2016. — Сб. 8. — С. 401–422. (a)
16. Пращерук Н. В. Опыт «очищения сердца» в святоотеческом понимании: о повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы жизни рабы Божией Анны // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск, 2016. — Вып. 14. — С. 441–455 [Электронный ресурс]. — URL: http://poetica.pro/ri/les/redaktor_pdf/1482829654.pdf (15.07.2018). DOI: 10.5393/j9.art.2016.3842 (b)

17. Пращерук Н. В. Аскетический опыт самопознания и проблема творчества: о повести Е. Домбровской «Весна души. Страницы рабы Божией Анны» // Церковь. Богословие. История. — Екатеринбург: Екатеринбургская духовная семинария, 2017. — С. 180–186.
18. Пращерук Н. В. Современная духовная проза: традиции, смыслы, поэтика: учеб. пособие. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. — 110 с.
19. Рейфилд Д. Жизнь Антона Чехова. — М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. — 896 с.
20. Ровинский К., протоиерей. Беседы старого священника со своими духовными чадами о некоторых событиях и случаях, коим он сам был очевидцем, которые он сам испытал и о которых слышал от заслуживающих доверия лиц, близких ему по духу. — М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2015. — 261 с.
21. Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: статьи и исследования о русских классиках. — М.: Худож. лит., 1972. — 544 с.
22. Субботина К. А. Новое прочтение Чехова (проблемы постмодернистского чеховедения в России) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2010. — № 5 (49). — С. 143–146.
23. Lowenkron D. H. The Metanovel // College English. — Vol. 38. — No. 4 (Dec., 1976). — Pp. 343–355 [Электронный ресурс]. — URL: https://www.jstor.org/stable/376420?seq=1#page_scan_tab_contents (15.07.2018).
24. Савицкий С. Как построили «Пушкинский дом» // Андрегранд. История и мифы ленинградской неофициальной литературы. — М.: Новое литературное обозрение, 2002. — С. 42–51 [Электронный ресурс]. — URL: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/slavi/vk/savitsky/andegrau.pdf> (15.07.2018).

Информация об авторе: *Пращерук Наталья Викторовна* — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета им. Б. Н. Ельцина.

Дата поступления в редакцию: 03.08.2018

Дата публикации: 01.10.2018

Natal'ya V. Prashcheruk

(Yekaterinburg, Russian Federation)

pnv1108@gmail.com

Christian Metanovel by E. R. Dombrovskaya "The Way Is Free... Chekhov. Spiritual Wanderings of Timofey the Deacon"

Abstract. The article contains analysis of E. R. Dombrovskaya's creation, which the writer classifies as metanovel. The main part of the plot, tied to the story of the character's personality development as well as his ascetic experience and the comprehension of Chekhov's phenomena, is unveiled as the "bringing up novel" and the character's "spiritual wanderings". "Moving" the reader from the spiritual depths to the sphere of creativity, philosophy and literary criticism, the writer accurately follows the criteria of spiritual experience. Such methodology helps to see Chekhov as a true Christian writer. Author's thoughts on spiritual wholesomeness of the process of creative exploration of classicist's artistic heritage, on the gradual increase of his level of understanding is emphasized by the key image of evangelical seed. Exploration of the Chekhov's creations is completed by combining literary and personal / family realities. Family novel, rich with content, is connected with problematic aspect (the struggle between family as a little church and the world) and the aspect of intonation (tenderness) of the book. Including numerous genre types and modelling the situation of the spiritual — artistic process, Dombrovskaya's book is internally wholesome, which is reached by the author's position and strictly measured evangelical tradition. It is a rare for the modern literature Christian metanovel.

Keywords: E. R. Dombrovskaya, Anton Chekhov, spiritual prose, metanovel, plot, picturesque, genre, image

References

1. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of Verbal Creation]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 424 p. (In Russ.)
2. Berdnikov G. *Izbrannye raboty: v 2 tomakh* [Selected Works: in 2 Vols]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1986. (In Russ.)
3. Erofeev V. Russian Metaroman by V. Nabokov, or in Search of the Lost Paradise. In: *Voprosy literatury*, 1988, no. 10, pp. 125–160. (In Russ.)
4. Zakharov V. N. "The Brothers Karamazov": The Textual Metaphysics. In: "Die Brüder Karamasow": Dostojevskijs letzter roman in heutiger sicht: IX symposiums der Internationalen Dostojewskij-Gesellschaft ["The Brothers Karamasov": Dostoevsky's Last Novel in Today's View: 9th Symposium of the International Dostoevsky Society]. Dresden, Dresden University Press Publ., 1997, pp. 213–227. (In Russ.) (a)
5. Zakharov V. N. The Novel. In: *Dostoevskiy: estetika i poetika: slovar'-spravochnik* [Dostoevsky: Aesthetics and Poetics. Dictionary and Reference Book]. Chelyabinsk,

- Metall Publ., 1997, pp. 211–213. (In Russ.) (b)
6. Zakharov V. N. “Tenderness” as a Category of Dostoevsky’s Poetics. In: *Teoriya traditsii: khristianstvo i russkaya slovesnost’* [Theory of Tradition: Christianity and Russian Literature]. Izhevsk, Udmurt State University Publ., 2009, pp. 163–185. (In Russ.)
 7. Zakharov V. N. *Imya avtora — Dostoevskiy* [The Author’s Name Is Dostoevsky]. Moscow, Indrik Publ., 2013. 456 p. (In Russ.)
 8. Zuseva-Ozkan V. B. The Invariant Structure and Typology of Metaroman. In: *Vestnik Rossiyskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya, kul’turologiya, vostokovedenie* [RGGU Bulletin. Series: History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies], 2007, no. 7, pp. 35–44. (In Russ.)
 9. Zuseva-Ozkan V. B. “Don Quixote” as the First Sample of the Genre of Metaroman. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], 2012, vol. 71, no. 5, pp. 3–22. (In Russ.)
 10. Zuseva-Ozkan V. B. *Istoricheskaya poetika metaromana* [The Historical Poetics of Metaroman]. Moscow, Intrada Publ., 2014. 488 p. (In Russ.)
 11. Ierofey (Vlakhos), mitropolit. *Pravoslavnaya dukhovnost’* [Orthodox Spirituality]. Moscow, The Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 2009. 136 p. (In Russ.)
 12. Karlova O. The Metaroman That Is Four Generations Long. In: *Den’ i noch’*, 2014, no. 6. Available at: <http://magazines.russ.ru/din/2014/6/5k.html> (accessed on July 15, 2018). (In Russ.)
 13. Nikolaeva O. Our Torturer Is Chekhov. In: *Nikolaeva O. Pryamaya rech’. Otkrovenno o glavnom* [Nikolaeva O. Direct Speech. Openly About the Main Thing]. Moscow, Danilov Monastery Publ., 2015, pp. 116–134. (In Russ.)
 14. Ozkan V. B. *Metaroman kak problema istoricheskoy poetiki: dis. ... d-ra filol. nauk* [Metaroman as a Problem of Historical Poetics. PhD. philol. sci. diss.]. Moscow, 2013. 570 p. (In Russ.)
 15. Prashcheruk N. V. In the “School of Destruction”: On Contemporary Spiritual Prose. In: *Khristianstvo i russkaya literatura* [Christianity and Russian Literature]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2016, collection 8, pp. 401–422. (In Russ.) (a)
 16. Prashcheruk N. V. An Experience of “Heart Purification” in Patristic Understanding: E. Dombrovskaya’s Story “The Spring of Soul. Life Scenes of Ann, the Servant of God”. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 2016, issue 14, pp. 441–455. Available at: http://poetica.pro/files/redaktor_pdf/1482829654.pdf (accessed on July 15, 2018). (In Russ.) (b)
 17. Prashcheruk N. V. The Ascetic Experience of Self-Knowledge and the Problem of Creative Process: On E. Dombrovskaya’s Story “The Spring of Soul. Life Scenes of Ann, the Servant of God”. In: *Tserkov’. Bogoslovie. Istoriya* [Church. Theology. History]. Yekaterinburg, Yekaterinburg Theological Seminary Publ., 2017, pp. 180–186. (In Russ.)

18. Prashcheruk N. V. *Sovremennaya dukhovnaya proza: traditsii, smysly, poetika* [Modern Spiritual Prose: Traditions, Meanings, Poetics]. Yekaterinburg, Ural Federal University Publ., 2018. 110 p. (In Russ.)
19. Reyfild D. *Zhizn' Antona Chekhova* [The Life of Anton Chekhov]. Moscow, KoLibri Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2015. 896 p. (In Russ.)
20. Rovinskiy K., archpriest. *Besedy starogo svyashchennika so svoimi dukhovnymi chadami o nekotorykh sobytyakh i sluchayakh, koim on sam byl ochevidtsem, kotorye on sam ispytal i o kotorykh slyshal ot zasluzhivayushchikh doveriya lits, blizkikh emu po dukhu* [The Conversations of the Old Priest with His Spiritual Children About Certain Events and Happenings, of Which He Himself Was an Eyewitness, Which He Himself Experienced and Heard About from Trustworthy Persons Close in Spirit to Him]. Moscow, St. Tikhon's Orthodox University Publ., 2015. 261 p. (In Russ.)
21. Skaftymov A. P. *Nravstvennye iskaniya russkikh pisateley: stat'i i issledovaniya o russkikh klassikakh* [Moral Searches of Russian Writers: Articles and Studies on Russian Classics]. Moscow, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1972. 544 p. (In Russ.)
22. Subbotina K. A. A New Reading of Chekhov (The Problems of Postmodern Chekhov Studies in Russia). In: *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], 2010, no. 4, pp. 143–146. (In Russ.)
23. Lowenkron D. H. The Metanovel. In: *College English*, vol. 38, no. 4 (Dec., 1976), pp. 343–355. Available at: https://www.jstor.org/stable/376420?seq=1#page_scan_tab_contents (accessed on July 15, 2018). (In Russ.)
24. Savitskiy S. As They Have Constructed "Pushkin House". In: *Andergraund. Istoriya i mify leningradskoy neofitsial'noy literatury* [Andergraund. History and Myths of the Leningrad Informal Literature]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2002, pp. 42–51. Available at: <http://ethesis.helsinki.fi/julkaisut/hum/slavi/vk/savitsky/andegrau.pdf> (accessed on July 15, 2018).

Information about the author: Prashcheruk Natal'ya V. — Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin.

Received: August 3, 2018

Date of publication: October 1, 2018